Проводив Сильвестра на конференцию эрцгерцогов, Карстедт вместе с Фердинандом направился в теперь освободившееся комнаты Верховного епископа. Вместе с ним он изъял из них все улики, говорящие о преступной деятельности Верховного епископа а затем они опечатали комнаты.

Затем они приступили к более подробному обсуждению фальшивой истории жизни Розмэйн, которую они состряпали для нее; было бы неблагоприятно использовать без какой либо доработки, тот полусырой вариант, выдуманный на скорую руку Сильвестром в их присутствии. Идея заключалась в том, чтобы показать, что Карстедт позволил Эрцгерцогу удочерить свою любимую дочь для ее собственной защиты, поскольку, как и ее мать, она родилась с огромным количеством маны. Но одной маны было недостаточно, чтобы заработать право войти в семью Эрцгерцога. Им нужен был еще какой то предлог.

Фердинанд, глубоко задумавшись, принялся постукивать пальцем по виску:

- Возможно, мы сможем использовать для этого её мастерскую. Розмэйн, не в силах видеть ужасающее состояние приюта, дала сиротам еду и работу. Ее преданность делу и новые идеи о ведении торговли привлекли внимание Эрцгерцога, - предложил он.

- Печалится, проливая слезы над сиротами, а потом спасать их, давая еду и работу, э? Это ведь практически действия святой, - пробормотал Карстедт, заставив Фердинанда удовлетворенно кивнуть.

- И в правду святая. И это должно сработать. И если мы добавим несколько приукрашенных историй о подвигах Роземэйн, будет легко оправдать предоставление ей должности Верховного епископа ... Что? Карстедт, не смотри на меня так. В этом нет ничего нечестного. Розмэйн действительно создала свою мастерскую, чтобы спасти детей-сирот. Хоть её конечной целью было достижение того, что бы она могла бы без всякого труда и заботы доставать и читать книги, но это не меняет благородных результатов, достигнутых ее усилиями.

Карстедт слышал от Фердинанда, что Розмэйн самостоятельно открыла мастерскую в приюте, но после первой встречи с девочкой было трудно представить её как ту, что могла бы быть способна на что-то настолько великое.

- Как ты знаешь, она умеет давать массовые благословения, и пока она не несет отсебятину вне сценария, она и впрямь может выглядеть как святая, - продолжил Фердинанд. - Все, что ей нужно делать, это то, что она уже делала, исцеляя землю во время миссии по уничтожению тромбэ.

Вспоминая исцеление, Карстедт вспомнил, что Розмэйн ошеломила всех присутствующих рыцарей, показав сколь много у неё маны - показ, который казался еще более впечатляющим, потому что он был проведен сразу после неудачной попытки её убийства Шикзой. Она определенно была слишком молода, чтобы называться святой, но он не мог отрицать, что она была похожа на нее - ее распущенные темно-синие волосы были ухоженными, шелковистее, чем даже волосы девушек из семей высших аристократов, а ее луноподобные, золотые глаза

были подобны окнам в ее переполняемое чувствами сердце. У нее тоже было красивое лицо, и она, несомненно, вырастет настоящей красавицей.

У Розмэйн была бледно-белая кожа, почти не тронутая солнечным светом, и мягкие руки, совершенно не знавшие ручного труда. Хотя, возможно, это было просто из-за того, насколько она была болезненна, это были желанные черты, редко встречающиеся среди простолюдинов. К тому же, благодаря Фердинанду, обучавшему ее, она теперь двигалась и говорила так грациозно, что было трудно поверить, что она простолюдин. Она еще не была достаточно утонченной, чтобы сойти за высшую дворянку, но это было лишь вопросом времени.

... В любом случае, нынешняя их предыстория была, мягко говоря, немного надуманной. Назвать ее святой, чтобы убедить дворян в том, что она достойна вхождения в высшее общество, было неплохой идеей, но ей нужно будет наложить мощное благословение или два, чтобы они признали ее право на это.

Когда Карстедт кивнул самому себе, Фердинанд нахмурил брови

- Этого будет достаточно, чтобы оправдать ее достижения, но не будет ли весьма неразумным сообщить, что ты спрятали ее в храме, опасаясь издевательств со стороны своих жен? Эльвира не глупа, и мне трудно поверить, что она согласится следовать этой выдумке.

- Да, все так, но также является правдой и то, что Эльвира сторонилась Розмари.

И первая жена Карстедта Эльвира, и вторая жена Трюделид чуждались его третьей жены Розмари, обращаясь с ней как с белой вороной. Вызванное этим эмоциональное истощение, несомненно, было одним из факторов, которые привели к расстройству и угасанию без того слабого здоровья Розмари.

- Ты слышал это от самой Розмари, да? Подтвердил ли ты обе стороны истории, прежде чем выносить суждение? - спросил Фердинанд, пристально глядя на Карстедта. Он знал, что Карстедт был склонен встать на сторону Розмари, поскольку она была жертвой в этой ситуации.

-... Я слышал, что первопричиной был антагонизм между семьями Трюделид и Розмари. Но Эльвира, самый влиятельный человек в семье среди моих жен, лишила Розмари возможности обрести какой-либо покой, поддерживая Труделиед, несмотря на то, что именно Розмари был той, кого ей нужно было защитить.

Спор, по крайней мере, можно было урегулировать, пока Эльвира была нейтральна, но все развалилось в тот момент, когда она выбрала сторону. И именно это расстраивало Карстедта больше всего.

- Разве ты не спрашивал Эльвиру, почему она встала на сторону Трюделид?

-... Да, и она сказала, что это потому, что я всегда защищаю Розмари. Но как я мог этого не делать, когда я сам видел, как ее оскорбляли? Понятия не имею, почему Эльвира поддержала Труделиед, - объяснил Карстедт, и Фердинанд с раздражением потер виски.

- Если Эльвира поддерживала твою вторую жену, потому что ты так сильно защищал Розмари, возможно, она просто пыталась сохранить равновесие сил? Я все же прав; будет лучше, если мы откроем все Эльвире, чтобы заслужить ее поддержку. Ее отношение и поддержка будет во многом решающей, то как женская часть высшего общества воспримет и будет в дальнейшем относиться к Розмэйн.

Самой крупной фракцией среди аристократок была фракция, возглавляемая матерью эрцгерцога, но теперь, когда она ушла, ведущее место займет фракция, в которой состояли Эльвира и жена Сильвестра. Женское общество не было чем-то, в которое мужчины могли бы легко войти, поскольку это было недоступно даже для Сильвестра, поэтому вступление в эту фракцию было бы лучшим шансом для Розмэйн вести далее спокойную и мирную жизнь. Но даже зная это, Карстедт не мог не испытывать дурных предчувствий, можно сказать даже страха, думая о предстоящем разговоре с Эльвирой.

-... Фердинанд, не мог бы ты присутствовать при том, когда я буду объяснять это Эльвире? Ее отношение коренным образом изменится в зависимости от того, поддерживаешь ты меня или нет.

Фердинанд был младшим братом эрцгерцога от другой матери, и именно из-за его впечатляющей одаренности, Вероника, мать эрцгерцога, с самого рождения относилась к нему так холодно. Карстедт, однако, не только принял Фердинанда в рыцари, но и приложил все усилия, чтобы защитить его от злонамеренных умыслов, обращаясь с ним с таким же уважением, как и с настоящим сыном эрцгерцога.

Но когда бывший эрцгерцог заболел и пришло время выбирать ему преемника, жестокость преследования и сила недовольства Вероники только усилилась. В конце концов Фердинанд заявил, что не заинтересован в том, чтобы стать эрцгерцогом, и вместо этого присоединился к храму. Но даже тогда он продолжал помогать Сильвестру в его работе и поддерживал рыцарей, когда его тем не хватало воинов и магов. Эльвира часто восхваляла его, говоря, что, если бы не лорд Фердинанд, Эренфест давно бы был повержен, поэтому ее реакция, несомненно, будет варьироваться в зависимости от того, объяснял бы замысел касательно происхождения Розмэйн Карстедт или же Фердинанд.

- Хорошо, я согласен. Тогда пригласи меня завтра на обед. У меня плотный график до завтрашнего дня.

- Так и поступлю. Это будет подходящим временем и для меня, поскольку мы, рыцари, все еще должны провести расследование.

Карстедт покинул храм и вернулся в штаб - квартиру рыцарей, где Дамуэля, который выглядел еще довольно болезненно, допрашивал другой рыцарь. Его вынесли из храма без сознания, но

теперь он был в силах сидеть и беседовать. Судя по всему, рыцари прислали навестить его кого-то, способного использовать исцеляющую магию.

- Как только допрос Дамуэля закончится, это будет на сегодня все. Завтра мы проведем расследование в отношении наших заключенных, - заявил Карстедт. Как командующий рыцарями, он получил в ответ на это серию отточенных воинских салютов.

Дамуэль же, услышав эти слова, робко задал Карстедту вопрос.

- Лорд Карстедт ... эм ... ученица ...?

- С ней все хорошо. Ты хорошо справлялся с её защитой, до тех пор пока не оказался в совершенно проигрышном положении. - У низшего аристократа, такого как Дамуэль, естественно было гораздо меньше маны, чем у высшего дворянина, вроде графа Биндевальда, поэтому Карстедт был искренне впечатлен тем, насколько способным тот себя показал.

При этих словах Дамуил обмякнув всем телом рухнул на сиденье в полном изнеможении от внезапного нахлынувшего облегчения:

-Для меня большая честь ваша похвала, - сумел выдавить он.

По окончании допроса Дамуэля, рыцари разошлись, и Карстедт отправился отдыхать в казармы. Он думал, что возвращение домой без предупреждения вызовет проблемы, поскольку, по мнению своих домашних, он присутствовал на конференции эрцгерцогов в Суверении. «Я определенно делаю это совсем не для того, чтобы не разговаривать с Эльвирой вне присутствия Фердинанда», - заверил он себя, прежде чем взмахнуть рукой, чтобы вызвать свой штаппе и постучать им по желтому магическому камню.

«Ордоннанц », - сказал он, и волшебный камень принял форму белой птицы. - Завтра на обеде будет лорд Фердинанд. Пожалуйста, приготовьтесь к его визиту. - Проговорив сообщение, Карстедт взмахнул своим штаппе, мысленно приказав птице отправиться к Эльвире. Посланник вернулся почти что немедленно.

- О боже, лорд Фердинанд? Более ни слова, - трижды повторила птица ответное послание он звонким нетерпеливым женским голосом, прежде чем снова превратится в камень. Все таки, пригласить Фердинанда было просто отличной идеей.

На следующее утро Карстедт пошел допрашивать заключенных. Первым был Безеванц, Верховный епископ. Фердинанд расследовал его преступления так тщательно и до таких мелких деталей, что Карстедт чувствовал себя до крайности вымотанным его педантичностью и тщательностью. Тем не менее, больше всего раздражала Вероника, которой каким-то образом

удавалось защищать Безеванца все это время.

- Я удивлен, что она умудрилась защищать тебя так долго, - сказал Карстедт. Он был уверен, что Безеванст поднимет шум и крик, когда будут перечислены все его многочисленные преступления, но все, что тот сделал, это бессильно свесил голову. Казалось, он действительно был опустошен тем, что его старшую сестру собирался наказать Сильвестр.

Но в отличие от полностью сдавшегося Безеванца, граф Биндевальд, казалось, был полон решимости хранить молчание; им придётся использовать магический инструмент поиска в памяти, как только Сильвестр вернется с конференции эрцгерцогов. Карстедт не знал, чья мана будет наиболее совместимой, но он точно не завидовал тому, кому приходилось просматривать воспоминания графа. Он просто молился, чтобы его собственный цвет маны не стал в конечном итоге тем, который больше всего был бы схож по цвету с маной графа Биндевальда.

- Боги мои, лорд Фердинанд. Я вам так благодарна за то что вы посетили наш дом в это непростое время, - произнесла Эльвира. Нынешняя её улыбка была в три раза приятнее, чем та, что она демонстрировала обычно, и свои волосы она сегодня уложила в особенно изысканную прическу. Карстедт только что вернулся домой с Фердинандом, и, хотя он более чем привык к тому, как совсем по-другому она обращалась с ним и с Фердинандом, он не смог сдержать тяжелый вздох.

Когда они закончили ужин, Карстедт отослал из комнаты слуг и посмотрел на Эльвиру. Она ответила ему взглядом, ожидая его слов.

- Эм ... Эльвира. Этим летом мою ... э ... дочь крестят.

- О боги. И кто же её мать? - спросила Эльвира, сузив темные глаза, следя за малейшим изменением лица Карстедта.

- Э ... Розмари. Это крещение Розмэйн, моей дочери от Розмари.

- Хо хо хо, что то здесь не так. Я не верю, что у Розмари были дети. Ее семья никогда бы не промолчала, если бы у нее был ребенок. Разве ты не помнишь этих дураков и то абсурдное высокомерие, которое они выказали после того, как их дочь вышла замуж за высшего дворянина? Как они делали одно необоснованное требование после другого необоснованного требования по отношению к нам? Этим ты только разожжешь по новой спор между семьями Трюделид и Розмари, - ответила Эльвира, сердито напомнив ему, что родственники Розмари были изначальной причиной ее игнорирования.

Карстедт начал было возражать, но Эльвира продолжила, прервав его:

- Вся эта неразбериха наконец утихла, и ты хочешь начать ее снова, представив её ребенка? Я этого не позволю... Или, я бы не позволила, но, учитывая, что лорд Фердинанд здесь, могу представить, что за всем этим стоят какие-то важные и необходимые причины. В зависимости от этих причин и обстоятельств, я могу и предложить вам обоим свою помощь.

- Вы действительно мудрая женщина, Эльвира. Мне нужна ваша помощь, и я смиренно прошу вашего сотрудничества, - сказал Фердинанд.

- О боги, лорд Фердинанд. Вы всегда знаете, что кому надо сказать.

Фердинанд начал объяснять Эльвире обстоятельства. Талантливая девочка по имени Розмэйн пройдет крещение как дочь Карстедта, а затем будет удочерена эрцгерцогом во время той же церемонии крещения. И он, и его старший брат эрцгерцог хотели, чтобы она была удочерена, потому что они уже убедились, что она будет принесет огромное благом для будущего всего Эренфеста.

- Конфликт начнется заново, если родственники Розмари узнают о существовании этой девочки, поэтому я предлагаю провести крещение, не объявляя, что она дитя Розмари. Я выступлю как её мать, и заодно обучу её, чтобы она не опозорила Карстедта или нашу семью.

- Это было бы очень полезно, Эльвира. Похоже, что доверится вам было нашим самым правильным решением, - похвалил её Фердинанд.

Эльвира ярко улыбнулась, все следы недавней резкости звучавшей её в словах исчезли с её лица. Как они все и ожидали, заставить Фердинанда переговорить с Эльвирой оказалось гораздо эффективнее, чем если бы сам Карстедт попросил ту об этой услуге, несмотря на то, что последний был ее мужем.

- Я до некоторой степени обучил ее, пока она была в храме, поэтому я не думаю, что она навлечет позор на нас всех своим поведением, но вам придется закончить эту работу и сделать из нее настоящую леди, которая не будет выглядеть неприкаянно на вилле эрцгерцога.

- О боги. Вы сами ее обучали, лорд Фердинанд? - спросила Эльвира, широко раскрыв глаза. Она, вероятно, задавалась вопросом, способен ли Фердинанд, печально известный своей суровостью, который был жесток даже с учениками рыцарей, способен нормально вырастить ребенка.

Карстедт хорошо понимал ее чувства; ему тоже показалось что он ослышался, когда впервые услышал это. Фердинанд, должно быть, весьма жестко воспитывал Розмэйн, судя по тому, как грациозно она двигалась и насколько искусно играла на фэйспиле, но она, тем не менее, доверяла ему и полагалась на него. Карстедт впервые видел, что бы ребенок эмоционально привязался к Фердинанду. Он все еще помнил, какое потрясение он испытал, увидев, как Розмэйн пряталась за Фердинандом во время истребления тромбе.

- Я обучал ее, потому что считал, что в будущем она должна быть удочерена дворянином, - сказал Фердинанд, перед тем как начать рассказывать подробности о Розмэйне.

- Она отличный помощник, когда дело доходит до оформления документов, и у нее много маны. У нее довольно простой ход мысли, который легко понять, и хотя временами она действительно демонстрирует поразительное отсутствие здравого смысла, она очень и очень не глупа. Попытки привить ей аристократическое воспитание несомненно принесут достойные плоды. Кроме того, хотя она быстро учится, я, к сожалению, не могу научить ее чему-либо о женственности.

- Можете положиться в этом на меня. Я обучу и воспитаю ее самым достойным образом.

После этого они начали обсуждать свои дальнейшие планы. Карстедт попросил Эльвиру подготовить все для крещения - нужно было подготовить комнату для Розмэйн, а также договориться с учителем по этикету, который учил их мальчиков, обучать и ее. Когда все будет готово, Розмэйн перевезут из храма в квартал Аристократов.

- Мне нужно подготовить комнаты и одежду для девочки, - произнесла Эльвира, глаза которой искрились от волнения. Раньше она воспитывала только мальчиков.

«Думаю, всё будет в порядке, если мы оставим это на неё», - подумал Карстедт, с облегчением прижав ладонь к груди.

Вскоре после этого Фердинанд сообщил Карстедту, что приступает к медицинскому осмотру Розмэйн. Карстедт прекратил расследование уголовного дела и вернулся в покои Верховного жреца в храме.

- Ммм ... Здравствуйте, Отец? - неловко запинаясь, произнесла Розмэйн. Ее детский голос заставил Карстедта расплыться в улыбке; все его дети были мальчиками, некоторые из которых теперь даже были рыцарями, поэтому услышав, как она назвала его «Отцом», его сердце словно согрелось. Если бы Розмари действительно подарил ему дочь, возможно, она была бы именно такой.

- Розмэйн, ты навлечешь на себя подозрение, если будешь так заикаться, - предупредил Карстедт.

Розмэйн тихо застонала, а затем еще тише начала повторять себе под нос раз за разом «Отец, Отец, Отец». Видя прикладываемое ею усердие, чтобы смочь выжить в благородном обществе, с тем чтобы она могла защитить свою настоящую семью, Карстедт испустил тяжелый вздох.

Фердинанд же начал раскладывать на полу кусок пергамента с уже начерченным на нем

магическим кругом. Слуг из комнаты он отослала ранее.

Розмэйн с любопытством рассматривала магический круг:

- Что это? Это что оно делает?

- Это позволит проанализировать поток твоей маны. Ты ведь раньше упоминала, что не можешь двигаться, если твое тело не наполнено определенным количеством маны, верно?

-... А что, бывает и такое? - Удивился в слух Карстедт.

При поступлении в Королевскую академию студенты получали штаппе, через который можно было направлять ману, и их учили сжимать ману в своих телах, но до этого они обычно вливали свою ману в магические инструменты, данные им родителями. Перемещение маны в теле требовало выносливости и не способствовало росту тела, поэтому было широко распространено мнение, что чем меньше маны хранится в вашем теле, тем лучше.

- Нет никаких сомнений в том, что твой рост замедлился из-за того, что твое тело всегда полно маны. Однако я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь болел из-за слишком малого или слишком большого количества маны внутри.

- Что? Так это ненормально? - удивленно спросила Розмэйн, опуская взгляд на свое тело.

- Воистину, не нормально. Я буду исследовать течение твоей маны, чтобы определить, почему это происходит.

- Ого, вы способны на подобное? Это действительно впечатляет, - сказала Розмэйн, глядя на магический круг и несколько раз кивнув, впечатленная услышанным.

Карстедт же, напротив, пристально посмотрел на Фердинанда. Магические круги, которые показывали поток маны в чем-то теле, были отнюдь не самыми широко распространенными вещами.

- Этот магический круг используют врачи, не так ли? Почему он у тебя?

- На самом деле я сделал его сам, изменив обычный магический круг, используемый для изготовления магических инструментов. Хотя я не могу сказать, является ли это точно таким же магическим кругом, как те что используют врачи, и я впервые использую его на ком-то, кроме себя.

Карстедт от такого ответа просто не мог подобрать слов. Когда Фердинанд чего-то хотел, он всегда заканчивал тем, что делал это своим собственным способом, и то что у него получалось

было по сравнению с тем что могло сделать большинство людей как небо и земля, конечно же, изделия Фердинанда относились к условному «небу».

Не обращая внимания на изумление Карстедта, Фердинанд поместил четыре фейкамня на круг, по одному на каждую из четырех сторон света, прежде чем повернулся к Розмэйн:

- Розмэйн, снимите одежду и обувь, а потом встань на круг.

- А?!

- П-постой, Фердинанд! - Карстедт был ошеломлен этими словами. Розмэйн была еще очень молода, но нельзя было столь небрежным тоном отдавать подобный приказ женщине, сколько бы ей лет не было.

Несмотря на это, Фердинанд с совершенно невозмутимым выражением лица указал на магический круг:

- Мы не сможем сделать подобного, когда она будет крещена и удочерена эрцгерцогом. Это наша единственная возможность. Быстрее раздевайся и становись в круг.

Розмэйн перевела взгляд с Карстедта на Фердинанда, затем покраснела от стыда:

- Ни за что. Это слишком смущающе! - сказала она, и осторожно отступила от круга.

Карстедт было жаль её, но а Фердинанду явно нет: он просто взглянул на нее и усмехнулся:

- Я не понимаю, откуда вдруг взялось это смущение и стыд. Тебе же было так хорошо в ванне.

- Что?! Ванна?!- Карстедт не мог поверить своим ушам. Ей было «так хорошо в ванне»? Купались ли они вместе? Фердинанд купался с Розмэйной?! Не сводя глаз с Фердинанда, он спросил: - Фердинанд, что, во имя богов, ты делал с этой маленькой девочкой?

Глаза Фердинанда расширились:

- Карстедт, ты меня неправильно понял! Я имею в виду, когда наблюдал за ее воспоминаниями с помощью магического инструмента. Я с ней не купался! - почти что паническим тоном запротестовал он.

Карстедт успокоившись, решил, что Фердинанд, должно быть, говорил правду, учитывая, что его обычная маска полного равнодушия, заменявшая ему лицо, почти что спала с него. Но кто бы в их ситуации не оказался бы неправильно понят? Тот, кто не знал бы об подобном

магическом инструменте, только бы уверился, что Фердинанд интересуется очень молодыми девушками. Если бы здесь был Сильвестр, он бы уже дразнил его на сколько бы у него только хватало воображения.

- Розмэйн, тебя тогда подобное совсем не волновало! Почему ты так стесняешься сейчас?!

- Ну, в то время я была так взволнована возможностью воспользоваться (шампунем) и (солью для ванны) после стольких лет ... И я даже не могла вас видеть, так что это было похоже на то, что мы просто были на (телефоне) или что-то в этом роде, и это была мечта, а не реальность, так что ... Как бы там ни было! Я не могу снять одежду перед посторонними людьми! - Разразилась протестом Розмэйн.

Карстедт теперь точно знал, что сцена купания происходила в её воспоминаниях и что в то время ее это совсем не волновало.

- Я просто изучаю твое тело. Это действительно более неприятно, чем ванна?

- Да! Если вы хотите называть это медицинским осмотром, то вызовите врача!

- А ты что, не можешь постараться и начать воспринимать меня как врача? Будь он здесь, все равно пришлось бы делать тоже самое. - Фердинанд был настолько опытен, что действительно мог работать врачом, и особенность его характера была такова, что он не был бы удовлетворен, если бы не осмотрел ее самолично.

- Разве ты не отказалась от своего женского стыда в течение трех дней после того, как стала Майн, когда тебя раздел мужчина, которого ты не считала своим отцом? Прошло намного больше трех дней с тех пор, как ты стала Розмэйн. Пора снова повторить этот опыт.

- Н ... НН ... Н-ни за что! - Замахала руками Розмэйн и бросилась к Карстедту, крича на ходу: - Спасите меня, лорд Карстедт!- Она попыталась обогнуть Фердинандом по как можно более широкой дуге, так как он стоял между нею и Карстедтом, но он выкинул руку в сторону и казалось бы без всяких усилий, до обидного легко, схватил её.

- ГЯААХ! Отпусти меня! Гьяяяя!

- Дура. Сколько раз я говорил тебе обращаться к Карстедту «отец»? И с этого момента зови меня по имени, когда мы за пределами храма, - сухим голосом сообщил Фердинанд, без малейших колебаний снимая пояс и синюю рясу с жалобно плачущей Розмэйн. Со стороны он выглядел как отец, наказывающий закатившего истерику ребенка. Но независимо от того, насколько она была молода, столь насильно снимать одежду с женщины было просто неправильно.

Розмэйн, теперь раздетая до зеленого нижнего платья, которое она носила во время весенней

молитвы, посмотрела на Карстедта, затем протянула к нему руки с отчаянным выражением лица:

- Отец! Фердинанд извращенец!

- Не вводи людей в заблуждение, глупая ты девчонка. - Фердинанд ухватил Розмэйн ладонью за шею у затылка, и сжал ее, когда та начала визжать о помощи.

Увидев что происходит, Карстедт подумал, что они похоже гораздо ближе друг с другом чем ему казалось раньше, хотя, возможно, он просто занимался самообманом. Сильвестр, узнав об огромном количестве маны Розмэйн после миссии по уничтожению тромба, шутя предложил Фердинанду жениться на ней - и, глядя на них сейчас, эта идея не казалась такой уж надуманной и смехотворной.

Пока Карстедт обдумывал это, движения Розмэйн начали замедляться.

- Фердинанд, я считаю, что ты зашел слишком далеко. Розмэйн уже тяжело дышать.

Фердинанд удивленно распахнул глаза, осознав что происходит и ослабил хватку, тем самым предоставив Розмэйну возможность вывернуться которой та воспользовалась, прыгнув к Карстедту. Она проскочила тому за спину, и, испустив стон, спряталась в тени его плаща и сердито посмотрела оттуда на Фердинанда. Она была похожа на некое крошечное животное, изо всех сил пытавшееся выглядеть опасным и угрожающим, и Карстедт не смог не усмехнуться. Сильвестр был прав, когда сказал, что Розмэйн похожа на шумила - все, что ей нужно было сделать, это сказать «пупи», и образ был бы завершен.

Фердинанд же разочарованно скрестил руки и впился взглядом в Карстедта и Розмэйн. Выражение его лица давало понять, что он раздражен, что все идет не по его плану.

- Карстедт, как ее отец, что ты думаешь о болезненности Розмэйн? - сказал он, окольным путем требуя его помощи.

Карстедт начал сравнивать доводы Фердинанда и Розмэйн. Насильственные методы Фердинанда, возможно, было немного неприятно наблюдать, но Розмэйн все же была на удивление слабой, и поэтому она все время была под угрозой смерти от малейшей простуды. Если Фердинанд мог помочь в этом, тогда лучше было делать так, как он говорил.

Карстедт под мышки поднял Розмэйн и посмотрел ей в глаза.

- Розмэйн, Фердинанд - большой знаток всего что касается маны. Если изучение твоей маны позволит ему обнаружить, какое зелье необходимо для твоего лечения, не будет ли более разумным позволить ему провести это обследование?

- Ну, я имею в виду ... я полагаю ...- Розмэйн перестала прожигать Фердинанда взглядом казалось, немного успокоилась, убежденная прозвучавшими словами. В конце концов, у нее действительно был разум взрослого - в отличие от других детей, она не устраивала истерику и не прекращала слушать то что ей пытались объяснить просто из злости. Все, что нужно было сделать, - это быть разумным и тщательно все ей объяснить.

Однако некоторые люди совершенно не понимали, что значит быть тактичным.

- Карстедт, сейчас! Держи ее! - приказал Фердинанд тем же тоном, что использовал при общении с рыцарями. Когда Карстедт инстинктивно ухватил Розмэйн, Фердинанд быстро подошел к ней, встал позади нее и очень ловко, одну за другой расстегнул крошечные пуговицы на спине ее платья.

- Хяяяяя! Фердинанд, ты извращенец! Неужто все это время ты был скрытым извратом?!

- Понятия не имею, в чем ты меня обвиняешь и что это за оскорбление, но у нас нет на это времени. Нам надо спешить. - Фердинанд закончил расстегивать пуговицы и резко указал на занавеску вокруг своей кровати:

- Снимешь носки там. При обследовании мне нужно будет видеть твою спину, так что обнажать нужно только туловище. ... Что это за вызывающий взгляд? Тебе нужно, чтобы я с тебя снял и панталоны?

- Нет! Я сама сниму носки, ладно?! Ну что, счастлив теперь?!

- Да. Только делай это быстро и не трать больше моего времени.

Розмэйн умчалась за занавеску, все время глядя при этом на Фердинанда глазами, полными слез. Он казался совершенно равнодушным к этому, но этого зрелища было достаточно, чтобы укол боли пронзил Карстедта. Почему Фердинанд должен был быть таким жестоким к такой юной девочке?

- Фердинанд, ты слишком холоден. Она застенчивая и смущающаяся девочка. Сколько раз я говорил тебе быть немного добрее к женщинам?

- Это было бы пустой тратой времени.

Фердинанд подвергался насилию со стороны Вероники все свое детство, и его мать не обеспечивала ему никакой защиты. Этого опыта оказалось достаточно, чтобы он теперь постоянно не доверял женщинам, поэтому, если он не видел особого преимущества в проявлении доброты, Фердинанд всегда был с ними чрезвычайно суров. И сегодняшние события тоже не стали исключением из этого правила.

Карстедт не мог не вздохнуть:

- Как всегда, вы и Сильвестр очень похожи в том, что вы никогда не слушаете советов относительно ваших личных недостатков, сколько бы раз вы их ни давали.

- Не сравнивай меня с ним, - сказал Фердинанд, раздраженно взглянув на Карстедта.

Как раз в этот момент, из-за занавески босиком вышла Розмэйн, стыдливо прикрываясь собранной в кучку одеждой.

- Встань вот сюда.

Фердинанд создал увеличенный магический круг, изменив тот что обычно использовался для проверки потока маны в магических инструментах и обнаружения любых нарушений. Розмэйн робко ступила на него и повернулась спиной к Фердинанду, который взмахнул рукой, тем самым достав свой штаппе, прежде чем встать на колени и легонько коснуться им магического круга. Мана начала вливаться в круг, а через несколько мгновений наполненный маной магический круг засиял красным и затем по прежнему сияя воспарил в воздухе. Он поднялся вдоль ног Розмэйн и так дошел до самой ее головы, заставляя текущую внутри её ману также сиять красным. Панталоны скрывали нижнюю часть её туловища, но на её спине и руках были видны четко выделявшиеся из – за того что светились красным, линии.

- Ого! Что это?

- Я же говорил тебе, что буду проверять поток твоей маны, не так ли? Твои волосы мешают. - Фердинанд отвел ее волосы в сторону, и нахмурился, глядя на маленькую спину Розмэйн. Карстедт и Розмэйн, захоти они этого, могли бы увидеть поток маны и без него, но Фердинанд был единственным, кто мог смотреть на красные линии и понимать, что они означают и что где не так с потоком.

Некоторое время внимательно по разглядывая её спину, Фердинанд тяжело вздохнул и встал с колен. Хмурясь и потирая виски, он посмотрел на Розмэйн:

- Теперь я вижу, что ты уже умирала раньше. У тебя в груди скопления затвердевшей маны.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

Для вас переведил Фаат.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/1186635>